

УДК 81'23
DOI 10.17223/19986645/31/4

Е.А. Юрина, Н.Н. Казакова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С МОТИВИРУЮЩЕЙ КУЛИНАРНОЙ СЕМАНТИКОЙ)¹

В статье рассматриваются особенности осознания лексической образности носителями языка на материале результатов свободного и направленного психолингвистических экспериментов. В качестве слов-стимулов в эксперименте задействованы лексемы с метафорической внутренней формой слова, мотивированные наименованиями явлений кулинарной сферы и вербализующие когнитивную метафорическую модель «Нечто – это Еда». Анализ полученных лексических и метатекстовых реакций позволил выявить механизмы осознания образности слова в метаязыковой рефлексии говорящих.

Ключевые слова: образность, образное слово, внутренняя форма слова, психолингвистический эксперимент, метаязыковая рефлексия, метатекст, кулинарная метафора.

1. Психолингвистический аспект исследования лексической образности связан с выявлением в экспериментальных условиях факта осознания данного свойства слова рядовыми носителями языка. Он предполагает разработку методик сбора и обработки показаний метаязыкового сознания информантов, свидетельствующих о восприятии слова-стимула как образного или необразного. Под образностью понимается свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, которое проявляется в их способности отразить образное видение факта действительности – обозначить явление (предмет, свойство, процесс) в ассоциативной связи с другим явлением, уподобляемым обозначаемому на основе их реального или воображаемого сходства [1, 2].

2. Анализ метатекстового материала, полученного в ходе эксперимента (а именно образных/необразных слов, словосочетаний, контекстов, являющихся реакциями информантов на предъявленные образные/необразные слова-стимулы), позволяет определить различные лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на степень яркости/стертости лексической образности, что в свою очередь даёт возможность уточнить критерии выявления образной лексики, её релевантные признаки, состав, объем и границы.

Исследования, в которых объектом изучения становятся метатексты, формируют активно развивающееся направление современной русистики – металингвистику, предметом которой являются представления рядовых носителей языка о самом языке и формах его реализации (О.И. Блинова [3], Н.Д. Голев [4], В.Е. Гольдин и А.П. Сдобнова [5], Е.Н. Гуц [6], А.Д. Жакупова [7], П.А. Катышев [8], А.Н. Ростова [9], И.А. Стренин [10] и др.). Опыт

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФГФ. Грант № 14-04-00207а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

проведения психолингвистических экспериментов, нацеленных на выявление осознания образности слова и его мотивированности носителями языка, представлен в работах О.И. Блиновой, Е.Н. Колодкиной, М.Э. Рут и Н.Т. Пестеревой и др. [11–13].

Экспериментальные методики анализа образной лексики фрагментарно использовались в изучении детской речи (К.В. Гарганеева [14]); в сопоставительном исследовании русской и английской образной лексики, характеризующей человека (Е.А. Шерина [15]); при мотивологическом анализе наименований птиц, растений, предметно-бытовой лексики (А.Д. Жакупова [7], А.В. Шевчик [16], А.С. Савенко [17], Н.А. Чижик [18]).

Актуальность изучения лексической образности по данным психолингвистического эксперимента обусловлена двумя факторами, существенными для антропоцентрического подхода к исследованию языка: 1) продуктивностью экспериментальных методик, способных поставить носителя языка в позицию активного субъекта и выявить функциональную значимость данного свойства языковых единиц; 2) важностью фиксации осмысления метафорической взаимосвязи предметов и явлений мира в индивидуальном и коллективном сознании говорящих с целью изучения прагматического, миромоделирующего и лингвокультурологического потенциала образных средств языка.

Представленный в данной работе экспериментальный материал – лексические и метатекстовые реакции на образные слова-стимулы – получен в результате проведения серии направленных и свободного психолингвистических экспериментов в форме письменного анкетирования. В качестве стимулов информантам предъявлялись слова, квалифицируемые как собственно образные на основании системных лингвистических критериев: обладающие двуплановостью семантики и метафоричностью внутренней формы¹, такие как *буквоед*, *крошечный*, *пенкосниматель*, *упоительный* и под.

Участниками эксперимента выступили старшеклассники и студенты города Томска, сотрудники предприятий и фирм города Новокузнецка. Всего в эксперименте приняли участие 700 человек. В результате на 300 образных слов-стимулов было получено 13 388 лексических и метатекстовых реакций, отражающих интерпретацию образной семантики информантами: в направленном эксперименте на каждую образную единицу – от 15 до 25 реакций, в свободном ассоциативном эксперименте – по 20 реакций на каждое слово-стимул.

Анализ результатов анкетирования представителей разных социовозрастных групп не выявил типологических отличий в ответах (за исключением студентов-филологов старших курсов и филологов-специалистов, дававших преимущественно развернутые ответы с опорой на профессиональные знания). Авторами данной работы на первых этапах исследования были проанализированы показания языкового сознания информантов разных групп с точки зрения гендерных, возрастных и профессиональных различий в восприятии лексической образности, однако существенных отличий выявлено не было. При этом среди информантов каждой социо-возрастной группы наблюдались языковые личности, способные к глубокому и точному понима-

¹ Под внутренней формой слова понимается «морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [19].

нию и осмыслению характера заложенной в слове образности, осознающие структурно-семантические связи слов и метафорические ассоциативные связи явлений окружающего мира. Также в каждой группе испытуемых присутствовали информанты с преобладающим логическим типом мышления, метаязыковое сознание которых не ориентировано на образный и ассоциативный характер семантики языковых единиц. В их ответах интерпретировалась, как правило, денотативная семантика, чаще встречались отказы от ответа (нулевые реакции), в меньшей степени актуализировались мотивационные связи слов.

Это привело к выводу о том, что на характер осознания образности в большей степени влияют индивидуальные психологические особенности личности (развитое воображение, высокий уровень речевой компетенции, чувственно-эмоциональный психологический склад), чем социовозрастные параметры. Исследование зависимости осознания образности от психотипа личности испытуемого не входило в задачи исследования.

В данной статье в качестве иллюстрирующего материала будут представлены реакции информантов на образные слова-стимулы, мотивированные наименованиями явлений гастрономической сферы: продуктов питания, кулинарных блюд, свойств и качеств пищи, процессов поглощения и приготовления еды (*заваруха, очерствелый, подлизаться, крохотка* и др.). Данная группа образных лексем, в составе 30 слов-стимулов, выделена в соответствии с общностью тематики мотивирующих единиц. В результате серии экспериментов на образные слова, реализующие кулинарную метафору как когнитивную метафорическую модель «Нечто – это Еда», получено 1339 обыденных толкований и свободных ассоциативных реакций. Их совокупность демонстрирует характер осмысления носителями языка процесса метафоризации одной концептуальной области (в данном случае – сферы гастрономической деятельности). Внимание к данной группе слов, объединенной тематической сферой образного основания номинации, обусловлено практическими задачами создания «Словаря русской кулинарной метафоры» в рамках исследовательского проекта «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [20]. Совокупность лексических и метатекстовых реакций на слова-стимулы, транслирующие кулинарные образы, может служить источником формулировки психологически релевантного образного значения слова с учётом его реального функционирования в речемыслительной деятельности говорящих.

Рассмотрим ход и результаты направленного психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 400 носителей русского литературного языка и получено 739 лексических и метатекстовых реакций на 30 слов-стимулов с мотивирующей кулинарной семантикой.

Главной задачей направленного психолингвистического эксперимента было создание таких экспериментальных условий, при которых рефлексия испытуемых направлена на актуализацию внутренней формы образного слова посредством установления ассоциативной связи между метафорически мотивированным образным словом-стимулом и мотивирующими его единицами. Для этого поэтапно были проведены направленные эксперименты пяти типов с разными видами анкет, задания которых актуализировали различные аспекты восприятия образности слова-стимула.

Первый эксперимент был нацелен на экспликацию в метатексте обыденного толкования семантики образного слова-стимула. Формулировка вопроса анкеты: **Что, на Ваш взгляд, означают эти слова?** Анализ материала, состоящего из 114 метатекстов и лексических реакций, показал, что от 80 до 50% реакций на образные слова с прозрачной внутренней формой актуализируется двуплановость и метафоричность значений слов-стимулов, например: ***крохобор** – тот, кто последние крохи отбирает (4); отбирает крохи, последние гроши; собирающий у других последние крохи; чиновник, способный отнять у людей последние крохи.*

На втором этапе направленного психолингвистического эксперимента информантам была предложена анкета с заданием: **Что, на Ваш взгляд, означают эти слова и какой образ лежит в основе их значения?** Результатом стали 272 метаязыковых толкования значения лексических единиц, в которых актуализирующие образность слов-стимулов реакции были получены не только на слова с прозрачной внутренней формой, но и на те стимулы, во внутренней форме которых достаточно сложно объяснить связь между мотивирующими единицами, например: ***огорошить** – кидаться горохом неожиданно; если кинуть в человека горохом, то он будет озадачен.*

Третий тип анкеты усиливал направленность эксперимента с помощью введения в задание формулировки понятия «образность», вопрос анкеты выглядел так: **Считаете ли Вы эти слова образными (значение которых основано на образе другого предмета).** В результате опроса получено 108 метатекстов и лексических реакций информантов, 69% из которых эксплицируют понимание феномена образности и интерпретацию семантики слов-стимулов. По характеру построения дефиниции эти ответы оказались приближенными к ответам на вопрос анкеты второго типа: ***буквоед** – обр., ест буквы; **маслята** – не обр., название гриба, на шляпке которого находится субстанция, похожая на масло.* В 31% реакций информантов не представлен ответ на первую часть вопроса анкеты, а отражена только интерпретация семантики слова-стимула: ***заваруха** – интересное мероприятие.*

В четвёртом типе анкеты в качестве слов-стимулов предложены мотивационные пары «образное слово – лексический мотиватор». Формулировка вопроса анкеты: **Укажите, какая ассоциативная связь, по Вашему мнению, существует между словами, представленными в списке. Свой ответ запишите в виде фразы или нескольких фраз.** 88% от 108 реакций испытуемых, полученных на этом этапе эксперимента, свидетельствуют об осознании мотивационных связей между представленными в парах словами, например ***лизоблюд и лизать** – да, связаны, лизать за начальством остатки.* В 10% реакций отрицается связь между словами-стимулами, например: ***буквоед и еда** – не связаны, так как дотошное отношение к документам не еда.*

Особенность пятого типа анкеты состояла в том, что в качестве стимулов предлагались образные номинации, сопровождаемые их толкованиями. Такой тип задания был призван переориентировать внимание информантов с формулировки обыденного толкования на объяснение ассоциативной связи между денотатом образной номинации и исходным образом, лёгшим в основу наименования. Формулировка вопроса анкеты: **Перед Вами список слов. Подумайте и объясните, почему именно таким словом называют этот**

предмет (для других частей речи – признак или действие). Далее предлагался список слов-стимулов с толкованиями. На этом этапе эксперимента получено 143 метаязыковых высказывания информантов. Понимание ассоциативно-образной стороны значения слов-стимулов наиболее чётко отражено в 79% реакций, например, *медоточивый ‘сладкоречивый, льстивый, слащавый’ – источает мёд, льстивый (3); речи сладкие как мёд (2); «сладенький», льстивый, его слова как мёд; врёт, вместо слов мёд источает* и т.п. В 10% реакций представлено только предметно-понятийное содержание образного слова-стимула, например: *огорошить ‘сильно поразить, озадачить чем-л. неожиданным, ошеломить’ – расстроить кого-то*. Ряд информантов не смогли объяснить, почему так названо явление или предмет даже при наличии его толкования, 11% реакций представляют собой отсутствие объяснения значения слова, т.е. ноль-ответ.

В результате серии направленных экспериментов после совмещения данных, полученных на разных этапах анкетирования, каждое анализируемое слово было представлено в среднем 20 лексическими реакциями и метатекстовыми высказываниями информантов, из которых 80% демонстрируют актуализацию образного значения слова. Например: *крохобор* 1) метатексты, актуализирующие образное содержание (эксплицирующие образное значение слова): *тот, кто собирает всё до последней крошки (3); вор, отнимающий всё до последней крохи; тот, кто собирает даже крохи; мелочный человек, живущий за счёт мелких подачек от «собирать крохи»;* 2) метатексты, эксплицирующие только мотивирующие единицы (осознание внутренней формы слова): *собирает крохи (2), собиральщик крох;* 3) метатексты, эксплицирующие только денотативное содержание: *жадный человек (4); наживается за счёт других; мелочный человек, ничтожный, человек, который забирает последнее;* 4) метатексты, демонстрирующие обыгрывание внутренней формы слова, окказионально-авторскую интерпретацию денотативного и ассоциативно-образного содержания слова: *кураца, клюющая крошки, машина по собиранию крох, маленький лес (кроха – бор).*

Этот корпус метатекстов дает основания для анализа семантики образных единиц с точки зрения осознания носителями языка соотношения денотативного и ассоциативно-образного планов значения. Ответы информантов демонстрируют как случаи соответствия денотативного содержания образных слов их узуальному словарному значению (*угрызение*: словарное значение ‘беспокойное состояние из-за чувства вины’, метаязыковые обыденные толкования – *состояние человека, когда он мучается чем-то – что-то его грызёт; когда что-то кого-то грызёт, это мучительно; как будто что-то грызёт внутри; грызёт, мучает, не даёт покоя*), так и случаи, расширения понятийного содержания слова. К случаям расширения семантики можно отнести реакции на стимул *крохобор*. Словарное значение ‘жадный, скупой человек, экономит так, что «собирает последние крохи»’ актуализировано в метатекстах: *тот, кто собирает всё до последней крошки*. В метатекстах присутствует и обыденное толкование, демонстрирующее семантику ‘бессовестный вор, вымогатель, который готов «отобрать всё до последней крохи»’: *кто отбирает крохи, последние гроши*.

Кроме того, наблюдаются случаи переосмысления денотативного содер-

жания слова. Например, *буквоед*, имеющее словарное значение ‘формалист, педант’, в метаязыковых толкованиях получает следующие интерпретации: 1) ‘тот, кто слишком много учится’: *заучка, зубрила*; 2) ‘тот, кто слишком много читает’: *пожиратель литературы*; 3) ‘поверхностный человек’: *человек, воспринимающий всё буквально, не утруждающий себя раздумьями над прочитанным; услышит верхушки, а потом говорит*; 4) ‘человек с дефектом речи’: *человек с дефектами речи, напоминает пьяного*.

При этом переосмысление денотативного содержания образного слова осуществляется под влиянием буквального значения его мотивационной формы. Так, первое направление переосмысления значения слова *буквоед*, в котором информантами вычленяется внутренняя форма ‘есть буквы’, связывается с ситуацией чтения литературы: *любит читать, любитель читать книги, читающий человек*. В связи с этим и ассоциативно-образное содержание слова переосмысливается: *человек, пожирающий буквы, текст; много учится, читает в таких количествах, что кажется, будто пожирает (ест) буквы*. Второе направление в переосмыслении денотативного содержания этого слова связывается с дефектом речи, невнятным произношением слов: *человек, который не произносит некоторых звуков*, а образность слова связывается с ситуацией «проглатывания» букв в слове: *буквы проглатывает, не выговаривает; обладатель нечеткой речи, проглатывает звуки; сглатывает окончания слов*.

Осознание образного содержания слова может быть эксплицировано в метатексте 1) при помощи мотивирующих толкований, например: *крохотка* – маленький, как кроха; *вишнёвый* – цвета вишни; *медоточивый* – речи сладкие, как мёд; *молокосос* – молоко сосёт; 2) при помощи толкования со смысловой мотивировкой посредством слов, выражающих прототипически сходные образы из того же смыслового поля: *медоточивый* – излишне сладкоречивый; *заваруха* – это такая каша в переносном смысле; *прихлебатель* – живущий за чужой счёт, т.е. не тратится на питание, из чужой посуды ест; 3) при помощи толкования со смысловой мотивировкой посредством слов, выражающих прототипически сходные образы из другого смыслового поля: *огорошить* – неожиданно осыпать мелкими пакостями; *очерствелый* – сердце которого перестало отзываться на чужую боль; *угрызенные* – совесть грызёт нас, пытаюсь через корку вины прорваться к раскаянию.

В ответах информантов встречаются случаи «нейтрализации» образного значения слова, когда внутренняя форма напрямую соотносится носителем языка с понятийным содержанием слова, например: *буквоед* – мой сын ест печенье «Алфавит».

Приведённый пример, скорее всего, свидетельствует о намеренной деме-тафоризации при осознании информантом узуального образного значения слова или, по крайней мере, – осознании метафорического характера внутренней формы. Подобные примеры, на наш взгляд, можно интерпретировать как случаи преднамеренного обыгрывания внутренней формы слова, как частное проявление языковой игры, которая «порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы. <...> Языковая игра – это осознание возможностей (потенциала) преобразований зна-

ка, обусловленного устройством самой системы языка, это своего рода эксперимент, обнаруживающий скрытые резервы языка» [21. С. 7–8].

Обыгрывание внутренней формы образного слова как одна из форм рефлексии над его образным содержанием, приводящая к формированию окказионального значения лексической единицы, может осуществляться в ответах информантов:

1) посредством деметафоризации внутренней формы слова при сохранении сферы референтной отнесенности именованного: а) буквальная интерпретация мотивационного значения: *буквоед* – мой сын ест печенье «Алфавит»; ‘человек поедаящий буквы’ (в прямом смысле слова) вместо ‘дотошный человек, педант’; б) конкретизация мотивационного значения, его «привязка» к определенной внеязыковой ситуации: *лизоблюд* – это лучше, чем «Фэри» (‘тот, кто лижет блюдо с целью его помыть, очистить, не используя моющее средство’ вместо ‘подхалим, который, стараясь угодить, лижет чужое блюдо’);

2) посредством деметафоризации внутренней формы при смене референта наименования: *нахлебник* – бутерброд, начинка для бутерброда, то, что кладётся на хлеб (буквальная интерпретация мотивационного значения ‘то, что кладется на хлеб’ по аналогии с *нарукавник*, *наконечник* и под.); *крохобор* – курица, клюющая крошки; *лизоблюд* – собака, вылизывающая миску;

3) посредством «визуализации» образного содержания слова через апелляцию к эталону образной номинации: *заваруха* – каша с пузырьками (мотивационное значение ‘которую заварили’ переводится в еще более наглядную образную форму за счет конкретизации отвлеченных понятий: заварили кашу);

4) посредством окказионального вычленения сегментов звуковой оболочки через структурно-семантическое соотнесение с другими мотивирующими единицами: *дар/мо/ед* – дары моря поедаящий и *дарм-моед* – моет забесплатно (даром) (наложение сегментов звуковой оболочки) (узуальная мотивация – даром ест).

С целью верификации данных, полученных в ходе направленных экспериментов, был проведён свободный ассоциативный эксперимент. Поскольку направленность рефлексии на актуализацию ассоциативно-мотивационных метафорических связей последовательно задавалась в предыдущей серии экспериментов, представлялось важным проследить, в какой степени свободные реакции информантов эксплицируют образный компонент семантики слов-стимулов.

Представим ход и результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором было получено 600 реакций на слова-стимулы, реализующие в своей семантике кулинарную метафору и называющие различные явления действительности по аналогии со сферой «ЕДА/ПИЩА». Группы испытуемых в свободном и направленном экспериментах не пересекались.

Свободный ассоциативный эксперимент проводился в форме письменного опроса. Его задачей было зафиксировать первые лексические реакции информантов на предъявленные в анкете стимулы. При проведении свободного ассоциативного эксперимента испытуемым было предложено записать первую ассоциацию, которая возникла при восприятии слов, указанных в анкете. Время, отведённое испытуемым для заполнения анкеты, было ограничено 15 минутами.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют об осознании образности носителями языка и о том, что типовые образные представления, воплощенные в семантике слова, являются устойчивыми стереотипами языкового сознания, предопределяют один из механизмов ассоциирования – парадигматические ассоциации метафорического типа. Представим в качестве примера ассоциативные поля образных слов с мотивирующей кулинарной семантикой: **прихлебатель** – *нахлебник (4), суп (3), паразит (2), плут (2), суп ложкой, напиток, дармоед, по жизни, подхалим, урод, тётя, Кристина*; **пенкосниматель** – *снимает пену (8), ложка (5), профессия (3), снимает пену, например с супа; снимающий пену, который снимает пенку, Настя Пенкина*; **очерствелый** – *хлеб (6), грубый (4), твёрдый (2), испортился, грубый, твёрдый; ни о чём не думает, характер, безразличный, нет сердца*; **огорошить** – *неприятно удивить (4), внезапность (2), горох, маму, шокировать, обмануть, отломить, удивить, любовник, посадить, опустошить, ударить, на голову, орошать*.

Реакции информантов на образные слова-стимулы, свидетельствующие об осознании различных аспектов образного содержания исходной единицы, можно разделить на следующие группы, различающиеся механизмом образного ассоциирования:

1. Реакции, отражающие осознание мотивированности и внутренней формы слова, которые можно обозначить как эпидигматические мотивирующие реакции. К этому типу относятся, например: **буквоед** – *ест буквы* (лексическая и частично структурная мотивация); **молокосос** – *молоко* (лексическая мотивация); **наслаждение** – *сладости, услада* (лексическая мотивация); **однакашник** – *каша* (лексическая мотивация), **одногоруппник**, **одноклассник** (структурная мотивация).

2. Реакции, выражающие образное представление, воплощенное в семантике слова-стимула, посредством указания в реакциях на подобное образное представление. Это парадигматические реакции в пределах одного образного/метафорического поля. Примерами могут служить следующие реакции: **сердцеед** – *зубастый*; **заваруха** – *замес*; **прихлебатель** – *нахлебник*; **нахлебник** – *дармоед*.

3. Реакции, выражающие денотативное содержание слова-стимула посредством других образов, – парадигматические реакции ассоциативно-дополняющего, «вверного» типа, указывающие на пересечение различных метафорических полей. Например, **дармоед** – *сидит на шее*; **очерствелый** – *нет сердца*; **подлиза** – *лицемер*; **угрызение** – *ущемление*; **прихлебатель** – *паразит*.

4. Экспрессивные и оценочные реакции, выражающие сходное эмоционально-оценочное отношение к явлению, названному образным словом: **буквоед** – *заучка, неприятный, затягивает дело, неудачник, сильно правильный*; **крохобор** – *вор, чиновник*; **молокосос** – *глупый, слабак, неумелый, неопытный*.

5. Необразные реакции синтагматического типа, выражающие осознание денотативного содержания метафоры: **угрызения** – *совести*; **вишнёвый** – *цвет, оттенок*; **крошечный** – *кусочек, человек, размер, пылинка*; **огорошить** – *маму*.

Вышеперечисленные реакции разных типов могут встречаться в пределах одного ассоциативного поля, свидетельствуя об осознании образности слова-стимула.

Приведем примеры.

Образные реакции на стимул **нахлебник**: 1) отражающие осознание мотивированности и внутренней формы: *хлеб*; 2) выражающие сходное образное представление: *дармоед (2), слишком много ест*; 3) выражающие денотативное содержание 'использование чужого труда, средств в своих целях' посредством других образов: *не работающий, в чужом доме, чужой счёт*; 4) выражающие эмоционально-оценочное отношение к называемому явлению: *иждивенец (2), лодырь, лентяй, глупость*.

Образные реакции на стимул **слащавый**: 1) отражающие осознание мотивированности и внутренней формы: *сладкий (3), сладострастник*; 3) выражающие денотативное содержание 'чрезмерно ласковый, любезный' посредством других образов – *смазливый (2), лезет в глаза*; 4) выражающие сходное эмоционально-оценочное отношение: *мерзкий, льстивый, противный, неприятный, подхалим*; 5) необразные синтагматические реакции, выражающие осознание денотативного содержания: *голос, человек*.

Образные реакции на стимул **огорошить**: 1) отражающие осознание мотивированности и внутренней формы: *опустошить, зорех, грошадь*; 3) выражающие денотативное содержание 'сделать что-л. внезапно, неожиданно' посредством других образов – образ: *любовник, шокировать, ударить, на голову*; 4) выражающие сходное эмоционально-оценочное отношение: *неприятно удивить, обмануть, внезапность*; 5) необразные синтагматические реакции, выражающие осознание денотативного содержания: *маму*.

Образные реакции на стимул **заваруха**: 1) отражающие осознание мотивированности и внутренней формы: *варится еда*; 2) выражающие сходное образное представление: *каша (2), замес*; 3) выражающие денотативное содержание 'неприятная ситуация' посредством других образов: *разборки (3)*; 4) выражающие эмоционально-оценочное отношение к называемому явлению: *драка (5), кипиш (2), скандал, неприятная ситуация*.

Приведенные примеры свидетельствуют, что носители языка осознают семантическую двуплановость образной лексики посредством осознания а) мотивированности слова, его внутренней формы; б) денотативного содержания слова; в) ассоциативно-образного плана значения слова; г) эмоционально-оценочных коннотаций.

Реакции, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, эксплицируют как денотативное содержание единицы (*улизнуть – с урока, с лекции, убежать, уйти, с занятий, вовремя, незаметно, от ответа, от погони, быстро, исчезнуть, сбежать, от ментов, от расплаты*), так и осознание его внутренней формы (*улизнуть – реакции, эксплицирующие мотивационную форму: а) лексическая мотивация – слизнуть, лизнуть, облизать, облизнуться, слизать; б) структурная мотивация – ускользнуть, увильнуть; реакции, эксплицирующие мотивационное значение: *язык, языком*). Ассоциации на образное слово-стимул демонстрируют осознание его ассоциативно-образного содержания, эксплицированное реакциями, отражающими сходный образ в том же значении 'исчезнуть, как если бы кто-то слизнул языком' (*улизнуть – корова языком*), а также*

реакциями, демонстрирующими использование того же образного основания в другом значении (*улизнуть* – *подлиза*).

Кроме того, реакции демонстрируют языковое выражение предметно-понятийного содержания слова-стимула посредством других образов (*улизнуть* – образ смывания краски ‘исчезнуть, подобно краске, смывающейся водой при стирке’, ассоциации «слюна – вода»: *смыться слинять*; образ скольжения ‘легко уйти, словно скользя по поверхности’, ассоциации «слюна – скользкая»: *ускользнуть, скользкий, проскользнуть, скользко*; образ скатывания: *скатиться*; образ сматывания: *смотаться*; образ вращательного движения: *увернуться, увильнуть*. Демонстрируют осознание прагматического эмотивно-оценочного и экспрессивного содержания (*улизнуть* – *улепetyвать*).

Интересен тот факт, что по данным словаря М. Фасмера, этимология этого слова скорее восходит к **слизгать / *лызгать* ‘скользить’ или **лызнуть* ‘удрать’ (видимо, метафора с тем же корнем?), а связь со словом *лизать* представляется “народной этимологией” [22. С. 159]. Получается, что по первой этимологической версии слово **улизнуть* этимологически было образным и выражало значение ‘быстро скрыться, словно скользя по поверхности’, но, претерпев фонетическое изменение и процесс ремотивации (установление новых мотивационных связей), сформировалось новое устойчивое образное значение, о чем свидетельствуют современные ассоциации носителей языка.

Итак, результаты эксперимента демонстрируют осознание носителями языка лексической образности, основанной на семантической двуплановости слов с метафорической внутренней формой. На осознание образности влияет ясность / затемнённость / парадоксальность внутренней формы слова. Образные слова, не являющиеся частотными, выходящие из активного употребления, но обладающие легко вычлняемой внутренней формой, осознаются как образные, но получают множество окказиональных интерпретаций: наблюдается варьирование и переосмысление внутренней формы, как в уже приводимых метатекстах-дефинициях на слова *буквоед* и *крохобор*.

Показания языкового сознания носителей языка свидетельствуют о том, что образность – реально существующее и психологически релевантное лексическое свойство, находящееся во взаимодействии и пересечении с другими свойствами слова, такими как мотивированность, метафоричность, эмотивность, оценочность, интенсивность, экспрессивность. Данные свободного и направленного психолингвистических экспериментов, подтверждают тот факт, что в языке закреплены типовые образные представления, воплощенные на лексико-семантическом уровне в содержании образных слов, двуплановость значения которых в разной степени осознается говорящими в зависимости от условий коммуникации.

Литература

1. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русого языка // Вестн. Том. гос. ун-та: бюл. оперативной науч. информ. 2004. Ноябрь. № 38. 218 с.
2. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура: науч. период. журн. Томск. 2008. № 1. С. 5–13.
3. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122–127.

4. *Голев Н.Д.* Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* № 3 (4). 2008. С. 5–17.
5. *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Русская ассоциативная лексикография. Саратов: Науч. кн., 2008. 77 с.
6. *Гуц Е.Н.* Ассоциативный словарь подростка // *Проблемы лингвистического краеведения.* Пермь, 2004. С. 72–74.
7. *Жакупова А.Д.* Методика «направленного» психолингвистического эксперимента в сопоставительной мотивологии // *Вестн. Павлодар. гос. ун-та. Сер. Филология.* 2008. № 3. С. 90–108.
8. *Катышев П.А.* Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2005. 358 с.
9. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
10. *Стренин И.А.* Психолингвистическое значение слова и его описание [Электронный ресурс] / И.А. Стренин, А.В. Рудакова. Ламберт, 2011. 192 с. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf
11. *Блинова О.И.* Роль психолингвистического эксперимента в изучении образности слова // *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики.* Екатеринбург, 1995. С. 3–4.
12. *Колодкина Е.Н.* О специфике психолингвистической трактовки параметров конкретности, абстрактности, образности и эмоциональности значения существительных // *Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста.* Калинин, 1986. С. 70–81.
13. *Пестерева Н.Т., Рут М.Э.* Номинативность и экспрессивность в семантике образного слова (именования людей в речи школьников) // *Живая речь уральского города.* Свердловск, 1988. С. 88–96.
14. *Гарганеева К.В.* Явление мотивации слов в социовозрастном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 206 с.
15. *Шерина Е.А.* Национально-культурная специфика образной лексики языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 22 с.
16. *Шевчик А.В.* Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 20 с.
17. *Савенко А.С.* «Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Орнитонимы». М., 2012. 198 с.
18. *Чижик Н.А.* Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 11 с.
19. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.
20. *Юрина Е.А.* Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: Опыт лексикографической презентации // *Вопр. лексикографии.* 2013. № 1 (3). Томск, 2013. С. 63–80.
21. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. С. 7–8.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Yurina Yelena A., Kazakova Natalya N., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru / kazakova-kalinkina@yandex.ru

EXPERIMENTAL PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF IMAGERY (BASED ON THE LEXICAL UNITS WITH MOTIVATING CULINARY SEMANTICS).

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 5 (31), pp. 53–65. DOI 10.17223/19986645/31/4

Keywords: figurativeness, figurative word, inner form of the word, psycholinguistic experiment, metalinguistic reflection, metatext, culinary metaphor.

The article discusses the problem of awareness of lexical figurativeness by native speakers based on the data of free and directed psycholinguistic experiments. It identifies how awareness of word figurativeness is reflected in lexical and metatextual reactions to figurative stimulus words. The stimuli are

represented by figurative words (lexemes with inner metaphorical form) motivated by names of gastronomic phenomena.

The techniques of free and directed experiments were applied to identify the awareness of lexical figurativeness. The data obtained were specified through oral questioning of native speakers.

The experiment showed lexical (figurative and non-figurative words and word combinations) as well as metatextual reactions – contexts, more or less extended statements explicating metalinguistic reflection. The analysis of linguistic data allows determination of various factors that influence the degree of brightness/triteness of lexical imagery, which in its turn gives an opportunity to specify the criteria for identifying figurative vocabulary, its relevant characteristics, composition, scope and limits.

The experiment resulted in a body of metatexts that allows analyzing the semantics of figurative units to specify how native speakers cognize the correlation between denotative and associative figurative meanings. The reaction of the informants indicates that the model figurative representations embodied in the semantics of the word are persistent stereotypes of linguistic consciousness that determine a mechanism of association – paradigmatic metaphorical associations.

The article describes various groups of lexical and metatextual reactions to the word-stimuli that differ in mechanisms of figurative association. The directed experiment has revealed the cases with varying conceptual and figurative semantics of the word in everyday interpretations by native speakers. It has also shown the cases of actualized and neutralized figurativeness.

The linguistic consciousness of native speakers suggests that the awareness of figurativeness is influenced by such parameters as clarity, ambiguity or paradoxical inner form of the word. It shows that figurativeness interacts with other properties of the word, such as motivation, metaphoricity, emotiveness, evaluation, intensity, and expressiveness. The data of free and directed psycholinguistic experiments confirm the fact that the language has fixed figurative representations embodied on the lexical-semantic level in the content of figurative words, the two-plane meanings of which are cognized by speakers depending on the terms of communication.

References

1. Yurina Ye.A Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki rusogo yazyka [Complex research of figurative vocabulary of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii*, 2004, no. 38.
2. Blinova O.I. Yurina Ye.A. Obraznaya leksika russkogo yazyka [Figurative vocabulary of Russian]. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2008, no. 1, pp. 5–13.
3. Blinova O.I. *Yazykovoye soznanie i voprosy teorii motivatsii* [Language consciousness and problems in the theory of motivation]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and person]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 122–127.
4. Golev N.D. Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5–17. (In Russian).
5. Gol'din V.E., Sdobnova A.P. *Russkaya assotsiativnaya leksikografiya* [Russian associative lexicography]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2008. 77 p.
6. Guts E.N. [Associative Dictionary of a Teenager]. *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic regional studies]. Perm: Perm State University Publ., 2004, pp. 72–74. (In Russian).
7. Zhakupova A.D. Metodika "napravlennogo" psikholingvisticheskogo eksperimenta v sopostavitel'noy motivologii [The method of "directed" psycholinguistic experiment in comparative motivation]. *Vestnik PGU. Filologicheskaya seriya*, 2008, no. 3, pp. 90–108.
8. Katyshev P.A. *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy*. Dis. d-ra filol. nauk [Polymotivation and semantic multidimensionality of word-building forms. Philology Dr. Diss.]. Kemerovo, 2005. 358 p.
9. Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000. 194 p.
10. Strenin I.A., Rudakova A.V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye* [Psycholinguistic meaning of the word and its description]. Lambert, 2011. 192 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf.
11. Blinova O.I. *Rol' psikholingvisticheskogo eksperimenta v izuchenii obraznosti slova* [The role of a psycholinguistic experiment in the study of word imagery]. In: Babenko L.G. (ed.) *Leksika*,

grammatika, tekst v svete antropologicheskoy lingvistiki [Vocabulary, grammar, text in the light of anthropological linguistics]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1995, pp. 3–4.

12. Kolodkina E.N. *O spetsifike psikholingvisticheskoy traktovki parametrov konkretnosti, abstraktnosti, obraznosti i emotsional'nosti znacheniya sushchestvitel'nykh* [On the specifics of the psycholinguistic interpretation of the parameters of specificity, abstraction, imagery and emotionality of the meaning of nouns]. In: Zalevskaya A.A. (ed.) *Psikholingvisticheskie problemy semantiki i ponimaniya teksta* [Psycholinguistic problems of semantics and understanding of the text]. Kalinin: Kalinin State University Publ., 1986, pp. 70–81.

13. Pestereva N.T., Rut M.E. *Nominativnost' i ekspressivnost' v semantike obraznogo slova (imenovaniya lyudey v rechi shkol'nikov)* [Nominative and expressive elements in the semantics of figurative words (names of people in the speech of schoolchildren)]. In: Erofeeva T.I., Kupina N.A. (eds.) *Zhivaya rech' ural'skogo goroda* [Live speech of a Ural city]. Sverdlovsk: Ural State University Publ., 1988, pp. 88–96.

14. Garganeeva K.V. *Yavlenie motivatsii slov v sotsiovozrastnom aspekte*. Dis. kand. filol. nauk [The phenomenon of word motivation in social and age aspect. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1999. 206 p.

15. Sherina E.A. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki yazyka (na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cultural features of figurative lexicon (based on figurative words describing the person). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 22 p.

16. Shevchik A.V. *Kompleksnoe motivologicheskoe issledovanie zoonimov russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Complex motivology study of zoonyms in the Russian language]. Tomsk, 2011. 20 p.

17. Savenko A.S. *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov. Ornitonimy* [Motivational Comparative Dictionary of the Russian and English languages. Ornithonyms]. Moscow: LENAND Publ., 2012. 198 p.

18. Chizhik N.A. *Motivatsionno-sopostavitel'nyy aspekt issledovaniya predmetno-bytovoy leksiki russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Motivational comparative aspect of the study of subject-household Russian lexicon. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2005. 11 p.

19. Blinova O.I. *Yavlenie motivatsii slov: Leksikologicheskii aspekt* [The phenomenon of word motivation: lexicography aspect]. 2nd edition. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2010. 208 p.

20. Yurina E.A. Russian food tradition in the mirror of language images: experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2013, no. 1 (3), pp. 63–80. (In Russian).

21. Gridina T.A. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1996, pp. 7-8.

22. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Russian]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress Publ., 1986–1987. Vols. 1–4.